

DOI 10.25991/AE.2019.54.63.018
УДК 007

А. Р. Заляева

Заляева Алина Рафаэлевна — студентка кафедры Музейного дела и охраны памятников Института философии Санкт-Петербургского государственного университета
alina19972402@mail.ru

РЕЛИГИОЗНОЕ СОЗНАНИЕ В ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ФОРМАХ: ХРАМЫ И КУЛЬТОВЫЕ ПОСТРОЙКИ СОЦИАЛИЗМА

В статье предлагается сравнительный анализ двух памятников архитектуры Петербурга XVIII и XX веков с точки зрения выраженности сакрального в архитектурных формах. Философским основанием для сравнения барочной церкви Симеона и Анны и супрематической тяговой подстанции № 11 стали работы Н. А. Бердяева, посвященные религиозной природе социализма и коммунизма. Цель работы — предложить одну из возможных интерпретаций историко-культурной среды города на примере сопоставления двух территориально и визуально соседствующих архитектурных объектов.

Ключевые слова: религия, социализм, архитектура, городская среда, церковь Симеона Богоприимца и Анны Пророчицы, тяговая подстанция № 11, Н. А. Бердяев, В. И. Ленин, Г. Палама

Zalyaeva A.

The religious consciousness in the artistic forms: temples and cult buildings of the socialism

This article offers *comparative analysis* of two *architectural monuments* of Saint Petersburg built in 18th and 20th century in terms of expression of sacrality in the architectural forms. The philosophical foundation for the comparison of the Baroque Church of Simeon and Anna and the suprematist traction substation № 11 became works of Nikolai Berdyaev devoted to the religious nature of socialism. This article is aimed to offer one of many possible interpretation of historical-cultural urban environment by way of example of comparison two territorially and visually neighboring buildings.

Keywords: religion, socialism, *architecture*, urban environment, Church of Simeon and Anna, traction substation № 11, Nikolai Berdyaev, Vladimir Lenin, Gregory Palamas.

Нет ничего вне текста.

Жак Деррида

Архитектурно-градостроительная среда города представляет собой многоуровневый, насыщенный ассоциациями текст. Восприятие этого текста начинается со считывания его синтаксических и пунктуационных свойств — визуально-градостроительных характеристик городской среды, таких как архитектурные доминанты и акценты, взаиморасположение элементов застройки etc. Распознавание координационных и субординационных визуальных связей внутри объемно-пространственной композиции застройки задает первичную ориентацию в тексте, выявляя, в том числе и функциональные характеристики зданий. Этот процесс имеет сходство с чтением экспериментальных предложений из несуществующих слов — соотношение элементов застройки, «распределение ролей» маркировано настолько ясно, что считываются автоматически. Следуя этой стратегии восприятия архитектурно-градостроительной среды, мы рассмотрим участок застройки по обеим сторонам р. Фонтанки вблизи моста и улицы Белинского: оставив без внимания массивный объем цирка, мы выделим два здания, обладающие рядом сходных архитектурно-градостроительных особенностей. Отступление от красной линии, асимметричность наиболее протяженного фасада и скульптурная форма, разрывающая фронт застройки или не включенная в него, — эти

качества равно присущи двум зданиям, находящимся по разные стороны от реки: церкви Симеона Богоприимца и Анны Пророчицы и Тяговой подстанции № 11.

Церковь Святого и Благоверного Симеона Богоприимца и Анны Пророчицы была возведена в 1730–1734 гг. по проекту М. Г. Земцова на месте обветшавшей деревянной церкви петровского времени. Архитектурное решение представляет собой синтез приемов русской архитектуры XVII века — композиционная схема «корабль» (колокольня, трапезная, храм), восьмерик на четверике — и приемов петровского/аннинского барокко: колокольня со шпилем, овоидальный ребристый купол с тамбуром, кровля с переломом. Высокий параллелепипед трансепта нанизан на протяженный объем трапезной; за трансептом горизонтальное движение ступенчато затухает, завершаясь объемом апсиды. Вертикаль образует мощный купольный восьмерик, вырастающий из трансепта. Смелое сопряжение крупных форм замаскировано криволинейным завершением объемов: кровлей с переломом, полукуполом апсиды, лучковым на плечиках завершением трансепта. Криволинейный силуэт читается одновременно и как плавный рост с внезапным вертикальным прорывом. Относительно устойчивое соединение крупных объемов нуждается, однако, в уравновешении подчеркнуто обособленным объемом колокольни. Формообразование колокольни радикально отличается

от формообразования храма и трапезной: объемы колокольни прорезаны арками и обильно декорированы, форма дробится и становится барочно-зыбкой. Здание церкви воспринимается почти всегда в ракурсе, что подчеркивает его скульптурные черты. Угловые перспективы демаскируют сочетание крупных форм, выявляя составной характер архитектурного организма.

Тяговая подстанция № 11 была построена в 1931–1933 гг. как часть реализации плана ГОЭЛРО по экспериментальному проекту, автором которого, предположительно, была архитектор, выпускница ЛХВТИ Р. Н. Коханова. В рамках настоящей статьи целесообразным представляется анализ главного фасада подстанции, поскольку только он доступен обзору с открытых городских пространств. Архитектурное решение фасада определяется супрематическими принципами формообразования. Динамически сочлененные параллелепипеды образуют ступенчатую композицию. Горизонталь и вертикаль подчеркнуты расположением оконных проемов: витраж и имитация ленточного остекления (окрашенные простенки между окнами) контрастируют с плоскостью стены и выступают в роли координатных осей, направляющих роста формы. Асимметричная композиция может быть равно трактована как восхождение и нисхождение, рост и распад формы. Это создает ощущение циркулирующего движения, сцепляющего вертикальные и горизонтальные объемы и нейтрализующего отсутствие оптического равновесия архитектурных масс. Асимметричность фасада подстанции и его расположение вдоль водной магистрали рождает образ корабля, образ машины. Отсутствие статики, уравновешенности композиции как бы прочерчивает невидимый вектор движения вовне. Об этой особенности архитектуры современного движения писал М. Я. Гинзбург: «...вся сила и острота напряжения организмов, чисто современных в недовренности, вечной несбыточности динамического стремления, которое чрезвычайно резко подчеркивается положением оси движения, домысливаемой вне общей композиции или в крайних пределах ее. <...> Отсюда последний вывод, диктуемый нам машиной, — возможность и естественность появления в концепции современного архитектора форм асимметрических или имеющих в лучшем случае всего лишь одну ось симметрии, подчиненную главной оси движения» [4, с. 204]. Интересно также, что в изложении своего взгляда на машинное происхождение асимметрии в современной архитектуре М. Я. Гинзбург отмечает сходство **«неудовлетворенности, несбыточной устремленности» машинных форм и характерных черт архитектурного стиля барокко.**

При сравнении двух зданий наблюдаются общие композиционные закономерности: протяженный, беспокойный силуэт, крупные объемы, восходящая и нисходящая динамика форм, символизирующая в церковной архитектуре общение человека с Богом, развертывание композиции параллельно магистра-

ли (водной или сухопутной). Образ корабля объединяет архитектуру церкви и подстанции: «Ноев ковчег» и «пароход современности». Однако скульптурная форма и отступление от красной линии в классической градостроительной системе допускаются главным образом для культовых построек. Учитывая все сказанное выше, следует предположить возможность сакральных коннотаций архитектурного образа подстанции.

Основанием для прочтения «сакрального» в трактовке архитектурных форм промышленного, узкофункционального здания подстанции может послужить анализ социализма и коммунизма как феноменов религиозного порядка, предпринятый Н. А. Бердяевым в ряде работ 1900–1930 гг. Впервые Н. А. Бердяев обратился к названной проблеме в книге «Новое религиозное сознание и общественность» (1907), в которой отразилось размежевание автора с марксистскими убеждениями и обращение к духовным проблемам индивидуальной свободы человека. «Социализм сразу же заявил претензию стать религией для нового человечества, и внутренняя связь его с религией не подлежит сомнению» [1, с. 70]. Н. А. Бердяев формулирует тезис о религиозной природе социализма, выявляя религиозные архетипы в идейном наследии К. Маркса. В марксизме он видит трансформированную христианскую эсхатологию и хилиазм, тогда как идея Пролетариата-Мессии, по мнению Н. А. Бердяева, есть проявление иудаистских традиций в подсознании Маркса. Социализм, по Н. А. Бердяеву, это христианство наизнанку: утопия, с которой начинается этот «перевертыш», определяется эпиграфом-цитатой из Евангелия от Матфея об искушении сделать камни хлебами, что в понимании Н. А. Бердяева является равносильным отрицанию духовности человека. Этот едва намеченный «производственный» аспект достижения рая земного при отрицании рая небесного получает более конкретные очертания в статье 1930 года «Правда и ложь коммунизма»:

Но это совсем особого рода экономика, это экономика спиритуальная и метафизическая, заменяющая Бога и духовную жизнь, обнаруживающая подлинное бытие, сущность вещей. <...> Но марксизм придал этому экономизму метафизическую и даже религиозную окраску. С ним связываются мессианские упования. Пятилетка, которая ставит себе прозаическую цель индустриализации России и объективно совсем не есть социализм, а государственный капитализм, *переживается с религиозным пафосом.* (курсив мой — А.З.) [2, с. 27–28]

Первым явлением «религиозного пафоса» плановой экономики, несомненно, был план Государственной электрификации России (ГОЭЛРО), принятый в 1920 году и выполненный, по ряду показателей, к 1931 году. Несмотря на то, что план электрификации был разработан еще до революции, именно В. И. Ленин придал ему значение доминанты общественной жизни и политического устройства

в известном лозунге: «Коммунизм — это советская власть плюс электрификация всей страны». Энергетика приобретает смысл катализатора коммунистического строительства и метафорически воспринимается не только как производство электрической энергии, но и как трудовой энтузиазм строительства новой жизни. В. И. Ленин развивает учение марксизма, дополняя его энергетикой в подобном перевернутом, двойственном понимании. Энергетика, таким образом, подспудно, как, по мысли Н. А. Бердяева, и все положения материалистического учения социализма, наделяется значением духовной энергии.

Ленинская идейная стратегия вызывает ассоциации с одним из наиболее влиятельных течений в восточном христианстве — с учением Григория Паламы. Исихазм, возникший в период заката Восточно-Римской империи, должен был стать ядром духовной мобилизации против внешней агрессии и, вероятно, сыграл подобную же роль в процессе освобождения Руси от монгольского ига. Мистическое учение Григория Паламы о Божественных Энергиях апеллирует к индивидуальному духовному опыту. «Человеку сообщима энергия Божия, которая есть сам Бог. Следовательно, человек *есть* бог — уже *по причастию*» [3, с. 824]. К этому опыту аккумуляции духовной энергии интуитивно и неосознанно обращается ленинская формула, в которой идеальное коммунистическое общество, основанное на труде, замещает идею Бога. Паламистское понимание энергии при переносе на коммунистическое мировоззрение делает ГОЭЛРО «материалистической святыней», «чудом», как бы кощунственно это ни звучало.

Как уже не раз было отмечено, религиозное происхождение ключевых теоретических принципов социализма не было отрефлексировано ни их создателями, ни народными массами: в сознании послед-

них религиозные архетипы приняли новые формы. Но скрытое в коллективном бессознательном беспощадно разоблачается в искусстве — музыке, архитектуре, градостроительстве и др. Кантата к двадцатилетию Октября С. С. Прокофьева построена почти как литургическое действие; архитектурно-градостроительные особенности здания тяговой подстанции сближают ее с храмовой постройкой. Однако было бы неверным абсолютизировать данное сходство. Необходимо подчеркнуть контекстуальный характер нашей интерпретации следующим примером: композицию фасада тяговой подстанции № 11 почти точно воспроизводит выполненный по конструктивистским принципам формообразования конкурсный проект Дома Общества пролетарского туризма в Москве (1931) Ф. Белостоцкой и З. Розенфельд [4, с. 449].

Выявленные выше параллели коммунизма и христианства становятся зримым соответствием сходству архитектурно-градостроительных характеристик церкви Симеона и Анны и тяговой подстанции № 11. Опыт «чтения» архитектурной среды города выявляет дополнительные ценностные характеристики отдельных зданий и обогащает багаж интерпретаций. Пространственное расположение церкви и подстанции оборачивается символическим противопоставлением и одновременно встречей, Сретением двух эпох и двух мировоззрений.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бердяев Н. А. Новое религиозное сознание и общественность. СПб.: Издание М. В. Пирожкова, 1907.
2. Бердяев Н. А. Правда и ложь коммунизма // Путь. — 1930. — № 31. — С. 3–34.
3. Лосев А. Ф. Очерки античного символизма и мифологии. М.: Мысль, 1993.
4. Хан-Магомедов С. О. Архитектура советского авангарда. Москва, Стройиздат. 1996.